

σοφία

А.С.Автономов

СРЕДНИЙ КЛАСС И ЦЕНТРИЗМ

¹ В статье используется понятие «средний класс», хотя, по сути, он классом не является, а представляет собой скорее совокупность сегментов различных социальных слоев и классов (квалифицированные рабочие, среднее звено управленческого аппарата, лица свободных профессий, зажиточные фермеры, часть мелких и средних предпринимателей и т.п.).

² Аристотель. Соч. в 4-х т. М., 1984. Т. 4. С. 507–509.

³ Клуб «Реалисты». Информационно-аналитический бюллетень. 1995. № 5. С. 27.

Опыт многих государств свидетельствует о том, что социальной опорой для стабильной демократии и сильного политического центра всегда был и остается средний класс¹. Прочитируем Аристотеля, который в своей «Политике» писал: «В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими... Там, где средние граждане многочисленны, всего реже бывают среди граждан группировки и раздоры... Демократии в свою очередь пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан (их больше, и они более причастны к почетным правам в демократиях, нежели в олигархиях). Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели... Только там, где в составе населения средние имеют перевес либо над обеими крайностями, либо над одной из них, государственный строй может рассчитывать на устойчивость»². Мы позволили себе привести столь длинную цитату лишь потому, что она с поразительной точностью вскрывает причины некоторых нынешних бед России.

В СССР в 70–80-е годы средний класс существовал и даже был наиболее многочисленным. Этим и объясняется массовая поддержка идей, провозглашенных во время перестройки. Для относительно неплохо обеспеченных людей проблема добывания хлеба насущного перестала быть острой, они задумывались о таких ценностях, как свобода, демократия, правовое государство и т.д. Другое дело, что политики очень быстро забыли провозглашенные ими же идеи и лозунги. Это неизбежно породило разочарование не только в политиках, но и в идеях, хотя последние не виноваты в том, что их использовали лишь как приманку для получения общественной поддержки. Да и сами люди оказались не готовы отличать заманчивые лозунги от конкретных программ и реальных действий политических организаций и отдельных деятелей, добивавшихся такой поддержки.

В начале 90-х годов в результате проводившегося социально-экономического курса прежний средний класс был разрушен, началась стремительная поляризация общества. Так, по данным Госкомстата, в 1994 г. 23% населения России имели доходы ниже прожиточного минимума, а разрыв между доходами самой богатой и самой бедной частей населения достиг 1500% (14 раз)³. Неудивительно, что в таких условиях центристские партии и движения получали весьма ограниченную

поддержку населения. По данным на конец 1996 г., бедные (т.е. те, чей доход находился ниже бюджета прожиточного минимума, сокращенно – БМП) составляли 52% населения России, малообеспеченные (1–2 БМП) – 19%, среднеобеспеченные (2–5 БМП) – 18%, высокообеспеченные (5–9 БМП) – 3%, богатые (9–17 БМП) – 6%, очень богатые (свыше 17 БМП) – 2%. А коэффициент дифференциации между самыми богатыми и самыми бедными составил 20⁴.

⁴ Экономика и жизнь. 10.04.1998. № 14.

Вопреки неблагоприятной экономической ситуации во второй половине 1990-х годов средний класс в России начал постепенно оформляться, хотя и оставался немногочисленным. Однако финансовый кризис конца лета – начала осени 1998 г. нанес по нему сильный удар. Последствия кризиса оказались столь значительны, что общество до сих пор не может полностью от него оправиться. Знаменательно, однако, что, несмотря на крутые повороты в экономическом развитии, слабость и немногочисленность среднего класса, растущую социальную поляризацию, в общественном мнении сохраняется привлекательность центризма, причем самыми различными политиками он оценивается чаще всего как позитивное явление. Примечательно также, что и у большинства избирателей термин «центризм» вызывает положительные ассоциации. Вероятно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что к началу 90-х годов в СССР довольно мощный средний класс уже прошел в своем развитии более 20 лет. А идеи и поведенческие ориентации, как известно, модифицируются медленнее, чем социальный статус человека.

Возможно также, что на политиков федерального уровня и центральные средства массовой информации, которые вносят огромный вклад в формирование общественного мнения, оказывают влияние настроения москвичей, доля которых в российском электорате довольно весома, а политическое влияние весьма заметно. Условия для развития политического центризма в столице более благоприятны, нежели в России в целом. По данным на конец 1996 г., доля богатых здесь составляла 25%, а удельный вес бедных не превышал 10%⁵.

⁵ Там же.

Стабильно высокая оценка центризма на фоне уже неоднократно происходивших в России 90-х годов переоценок ценностей не может не обратить на себя внимание с аксиологической точки зрения. В то же время разные люди зачастую совершенно по-разному трактуют термин «центризм». Может быть, в этой неопределенности понятия и кроется притягательность центризма? В связи с этим необходимо разобрататься в понятиях и определить категории.

Термин «центризм» появился сравнительно недавно, в конце XVIII в., и был связан с расстановкой политических сил во французском Национальном собрании, а позже в Конвенте. Места в зале заседаний Национального собрания, сформированного в 1789 г., располагались в форме, близкой к амфитеатру, а председательствующий сидел лицом к депутатам. Консервативно и реакционно настроенные члены представительного органа располагались с правой стороны зала. Ос-

тальные народные избранники размещались так, что чем радикальнее в политическом плане они были настроены, тем левее по отношению к консерваторам сидели. По-видимому, такое размежевание в зале заседаний соответствовало чувствам депутатов: чем сильнее были расхождения в их политических взглядах, тем неприятнее им было находиться рядом во время дискуссий. Правда, часть радикалов нарушала эту стройную картину, предпочитая занимать последние ряды амфитеатра. Таким образом, деление на правых и левых зародилось именно в то время, а слова «правые» и «левые» приобрели определенный политический смысл. Между правым и левым флангами и разместился политический центр, который, впрочем, был неоднороден.

Состав сил, которые можно назвать центристскими, постоянно менялся в ходе Великой французской революции. Противники физически уничтожались, и вскоре после начала революции далеко не весь политический спектр можно было обнаружить в высшем представительном органе власти. Постепенно «отсекались» то правые, то левые, и, соответственно, силы, еще накануне представлявшие центр, на следующий день оказывались либо правыми, либо левыми. Иногда центристов, входивших в парламент в годы Великой французской революции, называют «болотом», которое в зависимости от конъюнктуры поддерживало своими голосами то правых, то левых. На наш взгляд, это неверно. У «болота» вообще не было своей четко сформулированной позиции, в то время как у движений, которые можно назвать центристскими, имелись собственные политические взгляды, и они отнюдь не всегда были готовы идти на соглашения с радикалами или реакционерами.

В наши дни ситуация остается такой же: далеко не все, кто заключает компромиссы и соглашения, могут считаться центристами. Например, довольно легко, как это ни странно, способны найти общий язык ультраправые и ультралевые. Вместе с тем в условиях демократии поиски компромиссов – дело обычное, и в зависимости от ситуации и расстановки политических сил на них (естественно, в определенных границах) готовы идти не только центристы. Да и последние в демократических обществах далеко не всегда заключают компромиссы и соглашения. Так, вряд ли в демократическом государстве возможен союз центристов и экстремистов, если, конечно, первые не отошли от политического центра и не передвинулись на правый или левый фланг.

В то же время в определенной ситуации позиция центристской организации или лидера может оказаться весьма жесткой. Например, в российской Государственной Думе фракция «Яблоко» занимает место в политическом центре, но в 1998 г. именно эта фракция оказалась одной из самых непримиримых по отношению к правительству. Она не только последовательно выступала против кандидатуры С.В.Киреенко на пост главы правительства весной, а затем воспротивилась возвращению на этот пост В.С.Черномырдина в августе-сентябре, но и нега-

тивно отнеслась к формировавшемуся в сентябре-октябре правительству Е.М.Примакова, хотя именно его как компромиссную политическую фигуру предложил от имени фракции ее лидер Г.А.Явлинский.

В современных условиях, как и двести лет назад, одна и та же партия может оказаться и в центре, и на одном из флангов в зависимости от расстановки политических сил в стране в целом или в государственном органе. К примеру, в ФРГ Социал-демократическая партия (СДПГ) долгое время представляла левое крыло политического спектра в Бундестаге (хотя вне парламента СДПГ вовсе не была самой левой партией), а в центре находилась сравнительно небольшая Свободная демократическая партия. После того как в 70-е годы в Бундестаге появились представители «зеленых», СДПГ оказалась в центре. В Британии в XX в. либералы в парламенте переместились в центр после появления на левом фланге лейбористов. Вообще понятие политического центризма довольно расплывчатое и подвижное.

В политическом спектре любой страны, равно как и в рамках партий и движений, сколь бы узким ни был круг лиц, занимающихся активной политической деятельностью, обнаруживаются правые, левые и центристы. Даже в недемократических режимах можно путем анализа действий политиков выявить политический центр. Так, в Советском Союзе, начиная со сталинских времен, было запрещено обсуждать вопросы о соотношении сил в Политбюро, да и информация о прохождении вопросов через высшие партийные инстанции носила закрытый характер. На Западе же выходили публикации, в которых делались попытки проанализировать позиции, занимаемые тем или иным советским партийным деятелем по различным вопросам, в результате чего и определялся политический спектр Политбюро. Разумеется, центризм в Политбюро ЦК КПСС, скажем, в 60–70-е годы по своему политическому содержанию отнюдь не соответствовал центризму в высших органах государственной власти, к примеру, Дании или Швейцарии в тот же период.

В современной России речь идет о центризме в условиях демократии, когда на политической арене легально действуют все силы за исключением призывающих насильственно свергнуть конституционный строй и нарушающих права человека, а центр представлен несколькими организациями, действительно занимающими срединное положение в спектре. Однако «центризм в чистом виде», четкую границу, однозначно отделяющую политический центр как от левых, так и от правых, обнаружить невозможно. Для обозначения тех или иных политических сил или проводимой ими политики используют термины «правый центризм» и «левый центризм», в то время как о «центристском центризме», т.е. таком, который располагается между левым и правым центризмом, никто не говорит. Зачастую только интуитивно можно установить трудноуловимую разницу между центристскими и право- и левоцентристскими организациями, а также отделить левоцентристские организации от левых, а правоцентристские от правых.

Политический центр выглядит как бы естественным полем для взаимодействия правых и левых. Вероятно, данное обстоятельство и создает определенную иллюзию отсутствия у центристских организаций самостоятельной политической линии и бесперспективности поисков самобытности центризма вне компромиссов правых и левых. Однако на деле центризм имеет собственное политическое лицо, основные черты которого как раз и определяются его срединным положением в политическом спектре демократического государства.

Как известно, для демократии характерно стремление правящих кругов избегать открытой конфронтации, находить более или менее приемлемое для большинства населения решение актуальных задач. Поэтому нецентристская партия или блок партий, придя к власти, в своих действиях отклоняются от собственных программных установок и предвыборных заявлений в сторону центра в надежде достичь взаимопонимания с политическими силами, выражающими иные социальные интересы, и стараются проводить компромиссную политику, препятствующую росту социально-политической напряженности.

В отечественной специальной литературе, посвященной странам Запада, на протяжении десятилетий факты «полевения» правых и «поправения» левых после прихода к власти объяснялись либо заведомым обманом избирателей (якобы под видом различных партий, выдвигающих разные лозунги, скрываются одни и те же политические силы, а значит, у избирателя нет реальной альтернативы на выборах), либо тем, что действительной властью обладают не выборные лица⁶, а чиновники, которые готовят все решения, а выборные лица лишь подтверждают такие решения, придавая документам легитимность, но не разбираясь в их сути (в результате чего и достигается нивелировка позиций различных политических партий после превращения их в правящие).

Такой подход представляется упрощенным. Разумеется, в ходе предвыборной борьбы, повинуюсь ее логике, партии представляют свои программы более радикальными, чем они есть на самом деле. Однако основная причина сдвигов в сторону центра в действиях нецентристских правящих партий или партийных блоков коренится прежде всего в объективной закономерности существования современного демократического режима, заключающейся в поддержании сбалансированности социальных интересов в обществе. Ведь заведомый обман на выборах не может остаться незамеченным электоратом. Будучи однажды обмануты, граждане вряд ли окажут массовую поддержку обманувшей их партии в следующий раз. Тем не менее многие партии сохраняют авторитет и достаточно многочисленный электорат на протяжении довольно долгого времени. Следовательно, несмотря на некоторый отход от первоначальных предвыборных заявлений, та или иная партия в целом верно выражает чаяния соответствующих социальных групп.

⁶ Мы трактуем термин «выборное должностное лицо» довольно широко, понимая под ним не только того, кто непосредственно избран на некую должность, но и того, кто занял ее путем назначения, причем условием такого назначения является избрание его в коллегиальный орган государственной власти.

Что касается чиновников, то они находятся в подчинении у выборных должностных лиц. А занимающие выборные должности политики, как правило, обладают достаточным уровнем образования и опытом, чтобы адекватно оценивать содержание проекта документа, подготовленного государственным служащим, и последствия его принятия перед тем, как придать этому документу юридическую силу. Превращая проект в действующее решение, именно политик, занимающий выборную должность, несет ответственность за последствия такого шага. Осознавая это, нормальный человек и серьезный политик вряд ли одобрит, не вникая в суть, любой проект, подготовленный чиновником. Обычно государственные служащие в своей работе выполняют задания, полученные от выборных должностных лиц.

* * *

Практика показывает, что даже существование мощного среднего класса не гарантирует успех именно центристской политики. Так, в ряде европейских стран в период между мировыми войнами значительная часть среднего класса поддержала установление режимов фашистского типа. В США в 50-е годы политика маккартизма нашла опору у некоторой части среднего класса.

Для успеха политического центризма очень важно, чтобы его идеи получили поддержку широких слоев населения (в том числе и, может быть, в первую очередь среднего класса), чтобы имелись организации и движения, которые ассоциировались бы с центризмом. Не менее существенно, чтобы наконец-то пришло осознание значимости среднего класса и самой идеи центризма для будущего России. Без этого вряд ли будут скорыми как возрождение среднего класса, так и достижение стабильности социально-политического развития страны.